

Так говорила
РАНЕВСКАЯ

*К юбилею
великой актрисы*

Даша
Раневская

**Как
Я была
ПИНКЕРТОНОМ**

*ТЕАТРАЛЬНЫЙ
ДЕТЕКТИВ*

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р22

Оформление *Сергея Курбатова*

Раневская, Фаина Георгиевна.

Р22 Как я была Пинкертоном: театральный детектив / Фаина Раневская. — Москва : Яуза-пресс, 2016. — 288 с. — (Так говорила Раневская. К юбилею великой актрисы).

ISBN 978-5-9955-0870-0

К 120-летию Фаины Раневской.

Правду говорят, что талантливые люди талантливы во всем. Вот и Раневская была не только великой актрисой и автором множества знаменитых острот, афоризмов и анекдотов, но, оказывается, еще и писала замечательную прозу и сама ее иллюстрировала. Этот роман — ее первый опыт в жанре комедийного детектива, ждавший публикации более полувека. В разгар крымских гастролей прославленного театра бесследно исчезает его прима, главная звезда СССР Любовь Павлинова (явный намек на Любовь Орлову, с которой у Раневской были непростые отношения). Что это — несчастный случай или предумышленное убийство? Кто столкнул звезду за борт? И нет ли тут, упаси бог, «политики»?! Ведь Павлинова — любимица Вождя, который собирался лично посетить ее бенефис!

Если под подозрением вся труппа, когда бессильны и милиция, и госбезопасность, за расследование берется самая «несносная» и насмешливая актриса театра, которую за ее острый язык вечно держат «на ролях старух» и в которой несложно узнать саму Раневскую.

Читайте ее блистательный, язвительный и гомерически смешной «театральный детектив» в лучших традициях булгаковского «Театрального романа» и «12 стульев» Ильфа и Петрова!

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0870-0

© ООО «Яуза-пресс», 2016

Вместо предисловия

Этот детектив мог не увидеть свет, если бы не случайность (как часто именно случайность определяет судьбы людей и даже книг!).

В старой московской квартире на антресолях лежали целые стопки пыльных папок. Владелица квартиры готовила ее к продаже и потому расчищала вековые завалы. Доставая бумаги, она не удержала стопку, несколько папок упало. Помощница обратила внимание на пожелтевшие листы с непонятными карандашными закорючками.

— Ой, стенография! Моя сестра в колледже таким занимается. Если вам не нужно, можно я возьму, пусть попробует прочитать?

Хозяйка подтвердила, что ее бабушка когда-то работала стенографисткой и все это рабочие записи, которые потом расшифровывались, превращаясь в печатный текст. Отработанный материал в холодное время

шел в печь на растопку, а в теплое вот так складывался про запас. Когда в дом провели паровое отопление, папки забросили на антресоли и забыли.

Сама хозяйка стенографией не владела и что в этих бумагах не представляла. Содержимое оказалось весьма любопытным — это были не только тексты со стенограммой, но и расшифрованные, и даже правленные листы, к тому же обильно «сдобренные» рисунками, и рисунки отдельно на листах или обрывках бумаги.

Но главная загадка — авторство. На папке значилось: «Ф. Г. Р.».

Листы не имели нумерации, были перепутаны и сохранились не все. Чтобы восстановить текст полностью, пришлось расшифровать стенограмму и сопоставить.

Результат оказался ошеломляющим. С первых страниц угадывается автор: кто еще, кроме Ф. Г. Р. — Фаины Георгиевны Раневской, мог посоветовать не в свою лужу не садиться или посетовать, что она такая старая, что сплетни о ее молодости уже перешли в разряд легенд?

И все же сомнения были. Но среди старых фотографий и бумаг хозяйки папки нашлась карточка 1956 года с видом ялтинской набере-

режной, на обороте которой рукой Раневской написано: «С благодарностью, Ф. Г. Р.».

Конечно, на 100% ручаться за то, что текст принадлежит Фаине Георгиевне, нельзя, но так хочется!

Текст подвергся небольшой литературной правке, и все же в основе лежит черновик.

У некоторых отрывков есть два и даже три варианта.

В конце текста имеется небольшое послесловие с объяснением, кто мог служить прототипами героев, где могли происходить события и что означает то или иное вышедшее из употребления слово.

Надеемся, это поможет лучше понять написанное.

Глава 1

Стервятники питаются стервами...

*А приматы чем питаются —
Примами?*

Каждый среднестатистический человек уникален.

А вот Примы похожи друг на дружку, как слоники на полке этажерки.

Таковыми их делает общая болезнь — зазнайство. Опасная болезнь, быстро превращающая хорошего человека в... не буду писать в кого или во что.

Наша Любовь Петровна Павлинова не исключение.

Багаж может поведать о человеке многое. На пристани мой потертый фибровый чемодан рядом с ее горой кожаных красавцев (каждый — «мечта оккупанта») выглядел даже не бедным родственником из провинции, а облезлой шавкой у лап холеного дога. К то-

му же у моего предателя в последний момент перестал закрываться один замок, и потрепанное гастрольными испытаниями чудовище пришлось перевязать веревкой. Куда ему до крокодиловой кожи, привезенной Павлиновой в прошлом году из Парижа!

Чемодан пристроила рядом с павлиновскими не я, а костюмерша Любови Петровны Лиза Ермолова, девушка добрая, но скрытная. Она осторожно подвинула мой багаж ближе к приминному, за что я была Лизе премного благодарна. Из-за волн, поднятых проходившим мимо судном, пароход вместе со сходнями качался, подниматься на борт, а потом по трапу на верхнюю палубу с чемоданом мне было бы тяжело.

— Куда?! — Павлинова заметила мой багаж вместе со своим в руках матроса. Ее возглас заставил обернуться всех.

Матрос замер, не понимая, в чем дело, а я спокойно пожала плечами:

— Он носит вещи на палубу, Любовь Петровна.

— Там МОИ вещи!

— Там НАШИ вещи, — поправила я Павлинову. — Молодой человек, поставьте вот этот отдельно, в каюту я занесу его сама. Благодарю вас.

Мгновение спустя я оценила нелепость ситуации. Прима намеревалась позировать перед репортерами, но наказала сама себя. Не возмутись она, мой чемодан сочли бы реквизитом, не более того, а теперь объективы фотокамер были направлены на багаж в руках матроса. Можно не сомневаться, что в завтрашних сообщениях об отъезде труппы на гастроли немало внимания уделят перевязанному веревкой фибровому изделию.

Сквозь раздвинутые в вымученной улыбке губы Любовь Петровна прошипела:

— Не могли взять что-то приличней?

Один из репортеров в новеньком канотье (и почему репортеры так любят шляпы-канотье?) старательно конспектировал нашу беседу, потому я сообщила театральным шепотом:

— Он мне дорог как память о Качалове.

Обладатель канотье ахнул, невольно вмешавшись в разговор:

— Чемодан вам подарил сам Качалов?!

— Нет, — я грустно покачала головой. — Но у Качалова был точно такой.

Прошипев «вечно вы!..», Любовь Петровна бросилась прочь — ближе к трем другим представителям прессы и подальше от меня.

— А... — начал следующий вопрос репортер, но я выразительно ткнула пальцем в сторону Примы, которую уже осаждала решительная громкоголосая девица с огромным блокнотом в руках.

Можно бы рассказать ему о том, что будущая всенародная артистка, а тогда просто Любочка Н., приехала в Москву с куда более потрепанным багажом. Но не стоило портить легенду.

Если фотокамеры и запечатлели мое восхождение на пароход, то только со спины — я не звезда, чтобы освещать фальшивой улыбкой пристань и окрестности.

Может, к лучшему?

Обходиться без совести получается у многих, а вот без денег не удастся никому.

Именно желание подзаработать подвигло большую часть труппы театра на участие в летних гастролях-бенефисе всенародно обожаемой Любови Павлиновой.

Ее любили так сильно, что, играй Любовь Петровна Отелло, зрители охотно согласились бы помочь ей душить ни в чем не повинную Дездемону. Это один из самых трудных случаев популярности — когда актер не име-

Пинкертон, то есть я

ет права изменять своему амплу и вынужден всю жизнь играть отъявленных героев, которых нормальному человеку (часто и ему самому) страстно хочется убить после третьего кадра.

Но популярность нашей Любви Петровны зиждилась на кинофильмах десятилетней давности, где она, хоть и с некоторым напряжением, блистала в ролях юных пастушек и служанок, выбившихся в звезды. С годами держать форму стало тяжело, и актриса бла-

горазумно отказалась от бенефисов в столице. Гастроли же обещали выступления в небольших очагах культуры, где одно лишь появление Павлиновой вызывало бурю восторга и никакой критики. Любовь Петровна именovala такие мероприятия «хождением в народ» и устраивала их регулярно.

Остальных соблазнила возможность на халяву проплыть до самого Крыма, получая при этом «гастрольные» помимо отпускных. В конце концов, подавать реплики на выступлениях Павлиновой не столь большая плата за круиз от Верхнепопинска до самого Нижнехрюпинска на роскошном «Володарском», а там и до Ялты.

Если бы мы только знали, во что превратится путешествие! Нет, пароход не пошел ко дну, он и по сей день крутит свои колеса, но ко дну едва не пошла вся труппа.

Все было прекрасно до самых Тарасюков. Павлинова пела, мы дружно подавали реплики во время показа отрывков из спектаклей, потом выходили на поклонны, помогали бенефициантке унести со сцены копны цветов, преимущественно из местных палисадников, и удалялись на «Володарского» — отдыхать до следующего концерта.

Павлинова щедро раздавала поклонникам улыбки, нам — ненужные ей букеты, а Лизе — порции недовольства всем подряд. Зазнайская болезнь не зависит от времени года и места пребывания.

«Володарского» заказали для бенефиса Любови Петровны Павлиновой за его комфорт. Двадцать две каюты первого класса и тридцать четыре второго на верхней палубе были отделаны с настоящей роскошью, которая уцелела, несмотря на боевое прошлое судна, в Гражданскую участвовавшего в перевозке раненых и переброске боевых частей.

Еще девяносто человек могли разместиться в каютах и кабинах третьего класса на нижней палубе.

Сама «виновница» бенефиса располагалась по правому борту верхней палубы в отдельной «каюте для молодоженов» — самой просторной и роскошной.

Хороши были и две столовые с салоном, и душевые с туалетами, даже на нижней палубе каждая каюта имела умывальник.

И мне перепала весьма недурная каюта первого класса, правда, двухместная — на пару с заведующей литературной частью театра Анжелиной Рязской, — чему я была весьма рада: одиночества мне хватало и дома.

Директор гастрольного тура Альфред Суе-тилов справедливо гордился тем, что соорудил загодя застолбить это плавучее чудо для труппы театра.

Актеры радовались возможности не только подзаработать, но и пожить в хороших условиях, питаясь «от пуза». Служители муз, если они не имели доступа к спецраспределителям благ и товаров, жили очень скромно и в весьма стесненных условиях. У старых актрис еще оставались запасы каких-то нарядов, тканей, кружев, даже духов и пудры, но бесконечно перешивать платья невозможно, когда-нибудь закончится самая большая коробка с пудрой и выдохнутся остатки самых стойких духов из старинного флакона.

У молодых не было и того.

Но с этим еще как-то справлялись, а вот огромные коммунальные кухни, постоянный гвалт и ругань поссорившихся соседок, необходимость стоять в очередях, чтобы сначала отоварить карточки, а теперь, когда карточки отменили, просто купить продукты, повседневные заботы о пропитании угнетали куда сильнее. Особенно доставалось женщинам, поэтому нынешнюю гастрольную поездку они воспринимали как награду. Не надо закупать продукты, огры-